

Портрет писателя крупным планом

Не пишется... Листы и обрывки ватмана усеяли и стол, и пол мастерской, а серый прямогольник холста все так же чист и кажется бездонной пропастью, в которой исчезают надежды, замыслы и силы, что берег для этой, самой главной своей работы.

Главной? Но ведь тот портрет, что висит напротив, был твоей главной работой! Ты сам решил. Ты прочитал множество книг, написанных этим человеком, и еще больше о его творчестве. Ты жил судьбами его героев и сам становился участником происходящего. Вспомни ту батарею, что встала на пути немецких танков, рвавшихся к Волге, вспомни молодого лейтенанта Княжко, что погиб на пороге Победы у безвестной немецкой деревушки, вспомни лязг гусениц бронированных машин с черными крестами, смерть друзей-батарейцев и разрывы снарядов, осколки которых вечной памятью вошли в твою плоть.

Он создавал портрет писателя, а перед глазами столи те ребята с батареи, что навсегда остались лежать на «горячем снегу» студеной приволжской степи. Может быть, поэтому при всем внешнем сходстве было в этом образе что-то от простого русского солдата, уставшего, но победившего.

Взгляд художника Николая Богданова замер на портрете писателя Юрия Бондарева. Главная работа... Наверное, так оно и было в те долгие недели, что складывались в месяцы напряженного труда, когда эта работа была действительно самой главной, занимавшей все существо. Но разве меньше душевных и физических сил было отдано за эти последние двадцать пять лет творчества каждому из ста полотен и графических листов, что составили к сегодняшнему дню уникальную галерею портретов представителей многонациональной советской литературы? Валентин Катаев и Юрий Нагибин, Евгений Габрилович и Эдуард Межелайтис, Александр Крон, Борис Пастернак, Вениамин Каверин, Давид Кугультинов... Разве каждое из этих полотен не было столь же трудным, выстраданным, не было такой же главной работой, как и тот портрет, на котором сейчас остановился взгляд?

Богданов откинулся в кресле и закрыл глаза...

Мальчишкой Николай приехал с родителями из Краснодара в столицу. И так уж счастливо повернулась судьба, что любовь к живописи, которая проявилась еще в школьные годы, привела его сначала в мастерскую Николая Жукова, а потом Михаила Курилко. Здесь, у именитых мастеров, он впервые понастоящему научился познавать истоки прекрасного. Казалось тогда, что путь твердо определен, как вдруг, неожиданно для многих, он поступил в архитектурный институт. Много лет спустя, став одним из руководителей Центрального научно-исследовательского института типового и экспериментального проектирования, защитив диссертацию и получив учченую степень кандидата архитектуры, он

в часы раздумий вел сам с собой диалог о том, почему однажды сделал этот шаг, такой непонятный для других.

— В архитектуре в ту пору было много новаций, — сказал Николай Сергеевич. — Этот «бум» открывал, как нам тогда казалось, невиданные перспективы для творчества. Мы были «имажинистами архитектуры», видя в этом свое временное превосходство над прошлым. И грустно было осознать всю несостоенность наших искренних порывов юности, когда сразу после войны, стремительно повзрослев и многое осмыслив по-иному, я начал работать в мастерской академика Щусева над проектом восстановления Новгорода. Иными глазами смотрел я на величественные соборы и крепостные стены древнего города, изуродованные войной. В них я увидел проявление наивысшего момента красоты, достигнутого зодчими прошлого...

Нет! Он не раскаивался в том, что, связав свою судьбу с архитектурой, верой и правдой служил ей без малого сорок лет. Ведь еще древние говорили, что жизнь человеком прожита не зря, если дерево посажено и дом построен.

писателей, почувствовал необходимость подчинить все свое творчество достижению этой цели, — рассказывает Николай Сергеевич. — Разве не заслужили этого люди, подарившие нам целый мир образов, характеров, сумевшие запечатлеть на листе наше стремительное время? Как часто, перевернув последнюю страницу взволнованной нас книги, мы возвращаемся к первой, вглядываемся в фотопортрет писателя. Словно стремимся отыскать в его чертах секрет того «магического кристалла», который он поднес к нашим глазам. И в котором мы увидели жизнь во всем ее многообразии, в развитии...

— Не ставя перед собой сверхзадачи — создать галерею портретов литераторов страны, я все же, начиная с послевоенного времени, шаг за шагом шел к ее решению. Тому помог случай. В 1947 году, работая в мастерской академика Щусева, я совершенно случайно познакомился с Корнеем Ивановичем Чуковским. Долго уговаривал его позировать. Он согласился наконец, и к зиме того же года портрет был готов.

Рождение художника Богданова было поистине взрывным. Именно в этот период он создает большую серию графических работ для театра «Ромэн», на основе многочисленных зарисовок и эскизов, выполненных в зарубежных поездках, рождаются живописные циклы «Египет», «Алжир», «Индия», «Шри-Ланка», он пишет портреты знатных рабочих московского завода «Динамо». Это были творческие подходы к главной теме, какой стала для него работа над образами писателей.

Художник стремится предельно точно передать необычайно сложный внутренний мир, открыть суть и правду бытия творца. Может быть, поэтому средоточие замысла художника, как правило, в лицах его героев. Почти всегда крупный план дает ему возможность уйти от излишней детализации, сконцентрировав все внимание на том, чтобы наделить портретный образ той внутренней красотой, которая присуща людям цельным, устремленным.

Именно это удалось достичь Богданову в портрете писателя Григория Пожнянина. Участник обороны Одессы и Севастополя, он и с живописного полотна смотрит на нас, как пришедший из героического прошлого защитник черноморских твердынь, готовый в любую минуту снова ринуться в бой. За справедливость, правду. Стол же предельно точно передал художник и психологическое состояние известного литовского поэта Юстинаса Марцинкевичуса в другой своей работе — «Кровь и пепел». Серо-черные и красные тона, чуть размытые силуэты людей, словно восставшие из небытия, тревожно-вопрошающий взгляд поэта, неужели ужас войны повторится?

В каждой из своих работ Николай Богданов выступает как большой мастер, владеющий всеми средствами художественной выразительности. Он умеет найти такой поворот своей излюбленной темы, который делает новое полотно совершенно не похожим на все, что было создано до сих пор.

...А листы и обрывки ватмана усеяли стол и пол мастерской. Выбрав однажды главную тему в своем творчестве, Николай Богданов продолжает поиск. Он понимает всю меру ответственности, которую взял на себя: ведь портреты писателей должны выражать образ времени, его духовные ориентиры.

Вл. ПЕТРОВ.

• Ю. Бондарев. • Э. Межелайтис.

Но и живописи он не изменил все эти годы! Когда тридцать лет назад в Центральном доме архитектора была организована первая персональная выставка Николая Богданова, для многих, знаяших его как крупного специалиста по экспериментальному проектированию, она явилась подлинным открытием.

Более ста живописных и графических работ вели зрителя в неведомый доселе мир художника Богданова. Мир отточенного, то резкого, стремительного, то мягкого, а порой лирического рисунка, мир необычайно щедрых цветов многочисленных пейзажей и скрупулезных палитр серий портретов писателей-современников. Выставка была замечена, особенно портреты.

— Может быть, именно тогда я впервые всерьез задумался над тем, чтобы действительно создать галерею портретов советских